

Gender Representation of Emotions in A.S. Pushkin's Cycle "The Tales of The Late Ivan Petrovich Belkin Published By A. P."

Abramova Veronika Igorevna¹

Associate Professor, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University
Tula, Russia.

(date of receiving: March, 2019; date of acceptance: July, 2019)

Abstract

The article deals with emotions (joy, grief, surprise, anger, curiosity, shame, fear, sense of guilt) represented through the images of the characters of A. S. Pushkin's cycle *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin*. Two emotional pictures of the world are created and superimposed on each other in the narration: the author's (male) picture of the world and the generalized one (pseudo-male). A. S. Pushkin gives the role of the main narrator to provincial landowner Belkin, who retells the stories, which he heard from other persons: titular counselor A.G.N., lieutenant-colonel I.L.P., Steward B. V., maiden K.I.T. However, presence of the true author – Pushkin – is revealed in Belkin's tales, and this makes the narration "two-voice". Nominations of emotions are almost absent in the text of *Belkin's Tales*, there is a moderate quantity of expressions of emotions and a large quantity of their descriptions. Male emotions are represented as more intensive than female emotions. The prevailing male emotion is anger, the predominant female emotion is fear.

Keywords: Emotion, Nomination, Description, Expression, Gender Representation.

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

Гендерная репрезентация эмоций в цикле А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.»

Абрамова Вероника Игоревна¹

Доцент, Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия.

(дата получения: март 2019 г.; дата принятия: июль 2019 г.)

Аннотация

В статье рассмотрены эмоции (радость, горе, удивление, гнев, любопытство, стыд, чувство вины, страх), репрезентированные через образы персонажей цикла А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». В повествовании созданы и накладываются друг на друга две эмоциональных картины мира: авторская (мужская) и обобщенная (псевдомужская). В «Повестях Белкина» звучит и голос реального автора, скрытого за инициалами А.П., и голос нарратора Белкина, который пересказывает истории, услышанные им от других лиц (титулярного советника А.Г.Н., подполковника И.Л.П., приказчика Б.В., девицы К.И.Т). «Голос» Белкина, таким образом, – это неиндивидуальный, обобщенный голос всей провинции, формирующий обобщенную картину мира. В тексте «Повестей Белкина» практически отсутствуют номинации эмоций, умеренно представлены их выражения и широко – описания. Мужские эмоции репрезентированы как более интенсивные, чем женские. Преобладающей мужской эмоцией является гнев, преобладающей женской – страх. Это соответствует европейскому гендерному стереотипу.

Ключевые слова: Эмоция, Номинация, Описание, Выражение, Гендерная Репрезентация.

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

Введение

Согласно лингвистической теории эмоций, предложенной профессором В.И. Шаховским, в тексте художественного произведения эмоции представлены в форме номинаций и дескрипций, а также непосредственно выражаются в репликах персонажей (Шаховский 2012. 93–98). Номинация осуществляется с помощью лексических единиц, называющих эмоции (гнев, радость, печаль и т.п.). Описательно передают эмоциональное состояние наречия (весело, радостно, грустно и т.п.), глаголы (*радоваться, грустить, злиться, сердиться* и т.п.), существительные, включающие термины эмоций с предлогом «с» (*с радостью, с грустью, с гневом* и т.п.); существительные, обозначающие физиологические проявления эмоций (*смех, слезы* и т.п.); прилагательные, характеризующие эмоциональное состояние (*веселый, грустный, удивленный* и т.п.). Выражение эмоций осуществляется с помощью средств лексического (эмотивная лексика), синтаксического (усилительные структуры), стилистического (повторы эмоциональных усилителей, параллельные конструкции, метафоры) уровней языка.

Трудность и одновременно интерес для исследователя гендерной репрезентации эмоций в «Повестях Белкина» представляет особая манера повествования в произведении. Роль основного рассказчика «доверена» автором провинциальному помещику Ивану Петровичу Белкину, который перелагает в повестях истории, услышанные им от других лиц: титулярного советника А.Г.Н., подполковника И.Л.П., приказчика Б.В., девицы К.И.Т. «Голоса» этих рассказчиков не звучат в повествовании, поскольку Белкин пересказывает их истории своим языком, в своей манере. Но и эта манера оказывается не индивидуальной. Исследователи «Повестей Белкина» писали о том, что самого Белкина в повестях «не видно» (Шкловский 1937. 79), что заглавный герой «безголосый» (Бочаров 1974. 132). По мнению В.И. Коровина, голос у придуманного Пушкиным повествователя есть, но это

обобщенный голос всей провинции (Коровин 2005. 403). При этом в «Повестях Белкина» обнаруживается присутствие истинного автора – Пушкина. Таким образом, в повествовании созданы и накладываются друг на друга две эмоциональных картины мира: авторская (мужская) и обобщенная (псевдомужская, поскольку объединяет мужскую и женскую точки зрения в интерпретации Белкина).

Основная часть

Стилистически манера повествования в «Повестях Белкина» восходит к сентиментализму и романтизму. Оба литературных направления акцентировали внимание на изображении чувств, внутреннего мира персонажей. В «Повестях Белкина» мужские и женские эмоции широко представлены, но репрезентированы по-разному.

Номинированными в «Повестях Белкина» оказываются мужские эмоции горе, гнев и любопытство: «Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе»¹ [здесь и далее курсив наш – А.В.] (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»); «Кто, в минуту *гнева*, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность?» («Станционный смотритель»); «*Гнев* проезжего прошел» (Минский, «Станционный смотритель»); «*Любопытство* мое сильно было возбуждено» (рассказчик, «Выстрел»); «*Любопытство* начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого» (рассказчик, «Станционный смотритель») и женская эмоция любопытство: «молчание молодого гусара более всего *подстрекало ее любопытство и воображение*» (Марья Гавриловна, «Метель»).

1. Здесь и далее цитирование осуществляется по источнику в сети Интернет: Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. URL: <http://ilibrary.ru/text/89/index.html> (дата обращения 13.10.17).

Описание эмоций представлено в «Повестях Белкина» следующим образом (цифрами обозначено количество лексических единиц, словосочетаний и фразеологизмов, участвующих в дескрипции эмоций):

	М	Ж
радость	5	4
горе /печаль	12	7
удивление	9	2
бешенство/гнев	13	3
любопытство	4	2
смущение	1	0
чувство вины	1	8
страх	15	11

В «Повестях Белкина» описаны эмоции 11 мужских (рассказчик в «Станционном смотрителе», Самсон Вырин, Минский, Адрян Прохоров, Владимир, Алексей Берестов, Муромский, Сильвио, офицер, граф, рассказчик в «Выстреле») и 6 женских (Дуня, Лиза, Настя, мисс Жаксон, Марья Гавриловна, графиня) персонажей. Кроме того, в нескольких случаях описаны эмоции группы лиц – мужских (офицеры в «Выстреле»), женских (Лиза и Настя) и смешанной группы (свидетели венчания в «Метели»: трое мужчин и горничная).

Мужская радость репрезентирована с помощью лексики: «Я вспомнил дочь старого смотрителя и *обрадовался* при мысли, что увижу ее снова» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «сказал *обрадованный* гробовщик» (Адрян Прохоров, «Гробовщик»); используются таксические и проксематические знаки: «Владимир *обнял их с восторгом* и поехал домой *приготовляться*» (Владимир, «Метель»); «Около получаса прошло в несносном

для него ожидания; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и *бросился навстречу* милой Акулины»; «*повторял он, целуя ее руки*» (Алексей Берестов, «Барышня-крестьянка»).

При описании мужского горя (печали) используется лексика, обозначающая физиологическое проявление эмоций: «*Слезы брызнули* из глаз его; он поехал наудачу» (Владимир, «Метель»); «*слезы навернулись на глазах*»; «Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, *неоднократно прерываемый слезами*»; «Старик *не снес своего несчастья*; он тут же *слег* в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик» (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); «Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он *вздыхнул* о ветхой лачужке, где в течение осмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком...» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); жестовый компонент: «При сем ответе Владимир *схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти*» (Владимир, «Метель»); «слезами, *которые живописно отирал он своею полою*» (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); просодика: «Владимир *не имел духа отвечать на вопросы*»; «Владимир *не говорил уже ни слова*» (Владимир, «Метель»); «*дрожащим голосом произнес*» (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); используются метафоры: «*Сердце старика закипело*» (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); «Адриан, сидя под окном и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновению был *погружен в печальные размышления*» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»).

Мужское удивление репрезентировано с помощью лексики: «Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал *с удивлением*, что сердце его не радовалось» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «*Это нас удивило*»; «*Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет*

даться?» (офицеры, «Выстрел»); «Покамест собирался он переписать мою дорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину – и *не мог надивиться*, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «Григорий Иванович вспомнил свое обещание и *старался не показать и виду удивления*; но шалость его дочери казалась ему так забавна, что он едва мог удержаться» (Муромский, «Барышня-крестьянка»); «Алексей *не мог надивиться* ее понятливости»; «на третьем уроке Акулина разбирала уже по окладам «Наталью, боярскую дочь», прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно *был в изумлении*»; «спросил *изумленный* Алексей»; «Он вошел... и *остолбенел!* Лиза... нет Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платье, сидела перед окном и читала его письмо» (Алексей Берестов, «Барышня-крестьянка»).

Мужской гнев описан с помощью лексики: «Он *бесился* и прозвал своего зоила медведем и провинциалом» (Муромский, «Барышня-крестьянка»); «Будучи молод и вспыльчив, я *негодовал* на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «Его равнодушие *взбесило* меня» (Сильвио, «Выстрел»); «закричал я *в бешенстве*» (граф, «Выстрел»); используется описание экспрессивно-выразительного движения: «Офицер, разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным и, *в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио*, который едва успел отклониться от удара» (офицер, «Выстрел»); жестовый компонент и просодика: «При сем известии путешественник *возвысил было голос и нагайку*» (Минский, «Станционный смотритель»); мимический компонент: «Сильвио *встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами*» (Сильвио, «Выстрел»); «Он *вспыхнул*» (граф,

«Выстрел»); такесические знаки: «дал мне пощечину» (граф, «Выстрел»), «сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу» (Минский, «Станционный смотритель»); лексика, описывающая физиологическое проявление эмоций, стилистический повтор: «Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования!»; «вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева»; «сказал он ему, стиснув зубы» (Самсон Вырин, Минский «Станционный смотритель»).

Мужское смущение репрезентировано с помощью использования мимического компонента, кинемы глаз, такесического знака: «Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь» (Минский, «Станционный смотритель»).

Мужское любопытство описано с помощью лексики: «я с живейшим любопытством услышал следующий рассказ» (рассказчик, «Выстрел»); «спросил я с любопытством» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «он с нетерпением ожидал появления хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, как нам известно, было уже занято, но молодая красавица всегда имела право на его воображение» (Алексей, «Барышня-крестьянка»); используется метафора: «известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть» (рассказчик, «Выстрел»).

Мужское чувство вины репрезентировано с помощью лексики: «сказал молодой человек в крайнем замешательстве» (Минский, «Станционный смотритель»).

Мужской страх описан с помощью лексики: «Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес» (Владимир, «Метель»); «Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшиеся носы... Адриан с ужасом узнал в них людей, погребенных его стараниями...»; «С ужасом вспомнил Адриан все вчерашние

происшествия» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «*Испуганный* Минский кинулся ее подымать» (Минский, «Станционный смотритель»); используется кинема глаз: «Свидетели *устремили на меня испуганные глаза*» (трое мужчин, «Метель»); мимический компонент: «*лицо его горело как огонь*» (граф, «Выстрел»); просодика: «*закричал я*» (граф, «Выстрел»); «С сим словом мертвец простер ему костяные объятия – но Адриан, собравшись с силами, *закричал* и оттолкнул его» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «Бедный отец *насилу решился спросить* у дьячка, была ли она у обедни» (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»); проксематический знак: «закричал и *оттолкнул* его» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); фразеология, описывающая физиологическое проявление эмоций: «я почувствовал, как *волоса стали вдруг на мне дыбом*»; «*Голова моя шла кругом...*» (граф, «Выстрел»); «Смотритель пошел домой *ни жив ни мертв*» (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»); «*тут ноги его подкосились*. Комната полна была мертвецами»; «Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криком и почти задавленный, *потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств*» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»).

Теперь рассмотрим описания женских эмоций.

Женская радость репрезентирована с помощью лексики: «Вдруг мелькнула ей мысль. Она тотчас передала ее Насте; обе *обрадовались* ей как находке и положили исполнить ее непременно»; «ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек *наполняли сердце* Лизы *младенческой веселостью*»; «Лиза *была в восхищении* от успеха своей выдумки»; используется такесический знак: «Она *обняла отца*, обещалась ему подумать о его совете и побежала умиловать раздраженную мисс Жаксон...» (Лиза, Настя, «Барышня-крестьянка»).

Женское горе репрезентировано с помощью метафор: «Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? – *раздирали ее сердце*»; «Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, *стесняла ее сердце*» (Марья Гавриловна, «Метель»); используется лексика, описывающая физиологическое проявление эмоций: «Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она *чуть не заплакала*. Пришед в свою комнату, она *кинулась в кресла и залилась слезами*»; «Несколько месяцев уже спустя, нашед его имя в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородиным, она *упала в обморок...*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «как ей сказали, что старый смотритель умер, так она *заплакала*»; «Она *легла здесь и лежала долго*» (Дуня, «Станционный смотритель»). По поводу последней приведенной здесь фразы А.В. Чичерин писал: «Как много лиризма в «Станционном смотрителе» вкладывается в кратчайшие фразы <...>, сколько здесь затаенных, глубоких эмоций» (Чичерин 1977. 99).

Женское удивление репрезентировано с помощью лексики: «Марья Гавриловна взглянула на него *с удивлением*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «сказала она *с удивлением*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Женский гнев описан с помощью мимического компонента и кинемы глаз: «*багровый румянец досады* пробивался сквозь искусственную белизну ее лица. Она *бросала пламенные взгляды* на молодую проказницу»; лексики и просодики: «Англичанка *бесилась и молчала*» (мисс Жаксон, «Барышня-крестьянка»).

Женское любопытство репрезентировано с помощью лексики: «*Тайна*, какого роду ни была бы, *всегда тягостна женскому сердцу*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «Но *всех более занята была им* дочь англomана моего, Лиза...» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Женское чувство вины (часто сопряженное с эмоцией «горе») описано с помощью лексики, жестовых и мимических компонентов: «Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: *что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша?* – *раздирали ее сердце*»; «Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она *чуть не заплакала*. Пришел в свою комнату, она *кинулась в кресла и залилась слезами*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «Ямщик, который вез его, сказывал, что всю дорогу *Дуня плакала*, хотя, казалось, ехала по своей охоте»; «как ей сказали, что старый смотритель умер, так она *заплакала*»; «Она *легла здесь и лежала долго*» (Дуня, «Станционный смотритель»); используются фразеологизмы и олицетворение: «Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и *совесть начинала ее мучить*. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, *совесть ее роптала громче ее разума*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Женский страх репрезентирован с помощью лексики: «лошадь у жены что-то заупрявилась; она *испугалась*, отдала мне поводья и пошла пешком домой»; «Мысль эта *ужаснула* Лизу...» (Лиза, «Барышня-крестьянка»); просодики и такесики: «Маша вбегает и *с визгом кидается мне на шею*» (графиня, «Выстрел»); «Лиза *испугалась и закричала*»; «Лиза *вздрагнула, подняла голову, закричала и хотела убежать*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»); «Не получая ответа, Дуня подняла голову... и *с криком упала на ковер*» (Дуня, «Станционный смотритель»); используется лексика, описывающая физиологическое проявление эмоций: «сказала она, *побледнев*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»); «графиня *была бледнее своего платка*»; «Жена *лежала в обмороке*» (графиня, «Выстрел»); «Она *вскрикнула <...> и упала без памяти*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «*Сердце ее сильно билось*, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Рассмотрим выражение эмоций персонажами «Повестей Белкина» (в таблице учитывается количество реплик):

	М	Ж
радость	2	1
горе	1	0
удивление	3	2
бешенство/гнев	4	0
любопытство	1	1
чувство вины	2	0
страх	1	3

Эмоции в повестях выражают 9 мужских (Адриан Прохоров, Алексей Берестов, старший Берестов, Минский, Самсон Вырин, рассказчик в «Станционном смотрителе», Сильвио, граф, Бурмин) и 4 женских (Лиза, графиня, Марья Гавриловна, работница Аксинья) персонажа.

Сначала рассмотрим выражение эмоций персонажами-мужчинами.

Радость выражается с помощью восклицательных предложений с соответствующим комментарием: «*Ой ли!* – сказал обрадованный гробовщик» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «*Акулина! друг мой, Акулина!*» – повторял он, целуя ее руки» (Алексей, «Барышня-крестьянка»). Используются повторы, инверсии, эмоциональный интенсификатор.

Горе выражается через восклицательные предложения и разрыв синтаксического целого (дислокацию), а также с помощью графического оформления в виде отточий: «*Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..*» (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»).

Удивление выражается с помощью восклицательных и вопросительных предложений и эмоциональных интенсификаторов: «*Что за чудо!* – говорил

Алексей. – Да у нас учение идет скорее, чем по ланкастерской системе»; *«На ком это, батюшка?»* – спросил изумленный Алексей (Алексей, Барышня-крестьянка); «Адриану показалось, что по комнатам его ходят люди. *«Что за дьявольщина!»* – подумал он и спешил войти...» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»).

Гнев выражен с помощью повествовательных, восклицательных и вопросительных предложений с соответствующим комментарием, в котором отмечаются просодическое оформление фразы и мимика говорящего: «Сильвио встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами сказал: *«Милостивый государь, извольте выйти, и благодарите бога, что это случилось у меня в доме»;* *«Встань, Маша, стыдно!»* – закричал я в бешенстве, – *а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной? Будете ли вы стрелять или нет?»* (Сильвио, граф, «Выстрел»); *«Чего тебе надобно?»* – сказал он ему, стиснув зубы, – *что ты за мною всюду крадеешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!»* (Минский, «Станционный смотритель»); *«Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться»* (старший Берестов, «Барышня-крестьянка»). Используются эмоциональные интенсификаторы, сегментированные конструкции.

Любопытство выражено с помощью вопросительного предложения: *«Какая барыня?»* – спросил я с любопытством» (рассказчик, «Станционный смотритель»).

Чувство вины выражено с помощью повествовательных предложений: *«Что сделано, того не воротись, – сказал молодой человек в крайнем замешательстве, – виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения...»* (Минский, «Станционный смотритель»); синонимического накопления, графического знака в виде отточия: *«Непонятная, непростительная*

ветреность...»; инверсии: «я не имею и надежды отыскать ту, над которой подиул я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена» (Бурмин, «Метель»).

Страх выражен с помощью восклицательного предложения с соответствующим комментарием, в котором отмечено просодическое оформление фразы и физиологическое состояние говорящего: *«Сильвио!»* – закричал я, и признаюсь, я почувствовал, как волосы стали вдруг на мне дыбом» (граф, «Выстрел»).

Теперь рассмотрим выражение эмоций персонажами-женщинами.

Радость выражается с помощью восклицательных предложений, повтора, эмоционального интенсификатора: *«Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!»* (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Удивление выражено с помощью вопросительных предложений, которые словно нанизаны друг на друга: *«Что это значит, папа? – сказала она с удивлением, – отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?»* (Лиза, «Барышня-крестьянка»), *«Покойницы? Да разве она умерла?»* (работница Аксинья, «Гробовщик»).

Любопытство выражено с помощью восклицательного предложения с соответствующим комментарием: *«Как бы мне хотелось его видеть!»* – сказала Лиза со вздохом» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Страх выражается с помощью восклицательных предложений с соответствующим комментарием, эмоциональных интенсификаторов, повторов, сегментированных конструкций: *«Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!»* – и упала без памяти» (Марья Гавриловна, «Метель»); *«Ах, милый мой, – сказала графиня, – ради бога не рассказывай; мне страшно будет слушать»* (графиня, «Выстрел»); *«Что вы говорите!»* – сказала она, побледнев. – *«Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь»* (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Сводная таблица, в которой учтены все формы репрезентации эмоций (номинация, выражение, описание), выглядит следующим образом:

	М	Ж
радость	7	5
горе	14	7
удивление	12	4
бешенство/гнев	19	3
любопытство	7	4
стыд/смушение	1	0
чувство вины	3	8
страх	16	14

Заключение

Анализ гендерной репрезентации эмоций в цикле А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.» показал формальную андроцентричность эмоциональной картины мира автора. Андроцентричность выражается в количественном «перевесе» мужских персонажей над женскими (персонажей-мужчин, проявляющих эмоции, в повестях в два раза больше, чем персонажей-женщин). Формальную андроцентричность поддерживает то, что и реальный автор, скрывающийся за инициалами А.П. в заглавии повестей, и придуманный Пушкиным нарратор Белкин, являются мужчинами. Предположительно рассказанные девицей К.И.Т. истории («Метель» и «Барышня-крестьянка»), Белкин перелагает тем же языком, что и «мужские» рассказы («Выстрел», «Гробовщик» и «Станционный смотритель»).

Преобладающими мужскими эмоциями в «Повестях Белкина» являются гнев, страх и горе. Преобладающими женскими – страх и чувство вины. В целом это соответствует современному гендерному стереотипу. Появление не

характерных для стереотипа эмоций страх и горе в мужской части эмоциональной картины мира можно объяснить тяготением вымышленного автора повестей к сентиментальной и романтической стилистике и установкой реального автора на пародирование этой стилистики.

Анализируя формы репрезентации эмоций, можем отметить следующее: в количественном плане эмоции мужских персонажей на всех уровнях (номинация, дескрипция, выражение) представлены у Пушкина интенсивнее, чем эмоции женских персонажей. Но если разделить полученные цифры в мужской части сводной таблицы на два (поскольку мужских персонажей в два раза больше, чем женских), то получится, что женские радость, чувство вины и страх выражены интенсивнее, чем мужские, а женские горе, удивление и любопытство примерно с той же интенсивностью, что и мужские.

Средства репрезентации эмоций в мужской и женской части эмоциональной картины мира (при делении «мужских» средств репрезентации на два) тоже использованы в примерно одинаковом количественном соотношении. Это касается лексики, такесики, проксемики, кинесики (мимика, взгляд). Количественно (без деления на два) приближаются к мужским описания физиологического проявления эмоций у женских персонажей (М – 13, Ж – 10), случаи использования просодики (М – 6, Ж – 5), восклицательных (М – 9, Ж – 8) и вопросительных (М – 7, Ж – 6) предложений.

Таким образом, женщины в «Повестях Белкина» не стремятся «властвовать собою», свободно проявляют и выражают эмоции наравне с мужчинами. Формально андроцентричная эмоциональная картина мира по сути оказывается по-пушкински гармоничной. Можно сказать, что андроцентричность авторской эмоциональной картины мира уравновешивается гармоничностью обобщенной эмоциональной картины мира, репрезентированной через не «безголосого», а, наоборот, «многоголосого», говорящего за всю провинцию Белкина.

Литература

- 1- Бочаров С.Г. (1974). *Поэтика Пушкина: Очерки*. Москва. Изд-во «Наука».
- 2- Коровин В.И. (2005). *А.С. Пушкин // История русской литературы XIX века*. В 3 ч. Ч. 1 (1795-1830). Москва. Изд-во «ВЛАДОС». – С. 201-445.
- 3- Пушкин А.С. *Повести покойного Ивана Петровича Белкина*. URL: <http://ilibrary.ru/text/89/index.html> (дата обращения 13.10.17).
- 4- Чичерин А.В. (1977). *Очерки по истории русского литературного стиля*. Москва. Изд-во «Художественная литература».
- 5- Шаховский В.И. (2012). *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва. Изд-во «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
- 6- Шкловский В.Б. (1937). *Заметки о прозе Пушкина*. Москва. Изд-во «Советский писатель».

Bibliography

- 1- Bocharov S.G. (1974). *Pojetika Pushkina: Ocherki*. Moskva. Izd-vo «Nauka».
- 2- Korovin V.I. (2005). *A.S. Pushkin // Istorija russoj literatury XIX veka*. V 3 ch. Ch. 1 (1795-1830). Moskva. Izd-vo «VLADOS». – S. 201-445.
- 3- Pushkin A.S. *Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina*. URL: <http://ilibrary.ru/text/89/index.html> (data obrashhenija 13.10.17).
- 4- Chicherin A.V. (1977). *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilja*. Moskva. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 5- Shahovskij V.I. (2012). *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka*. Moskva. Izd-vo «Knizhnyj dom «LIBROKOM»».
- 6- Shklovskij V.B. (1937). *Zametki o proze Pushkina*. Moskva. Izd-vo «Sovetskij pisatel».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Абрамова, В. (2019). Gender Representation of Emotions in A.S. Pushkin's Cycle "The Tales of The Late Ivan Petrovich Belkin Published By A. P.". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 7(2), 99-115.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.99

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/82>

توصیف احساسات و عواطف در مجموعه داستان پوشکین «داستان مرحوم ایوان
پتروویچ بلکین، چاپ آ.پ.» از دریچه جنسیت شخصیت‌های داستان

ویرائیکا ایگاریونا آبرامووا^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،

تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۹)

در مقاله حاضر احساسات و عواطفی چون شادی، اندوه، شگفتی، خشم، کنجکاوی، شرمساری، حس گناه و ترس در شخصیت‌ها و قهرمان‌های اصلی مجموعه داستان پوشکین «داستان مرحوم ایوان پتروویچ بلکین، چاپ آ.پ.» بررسی می‌شود. داستان دو تصویر عاطفی از جهان را نشان می‌دهد که مکمل هم هستند: یکی از زاویه دید نویسنده (که کاملاً مردانه است) و دیگری تصویری کلی است (شبه مردانه). در مجموعه «داستان‌های بلکین» دو صدا را می‌توان از هم تشخیص داد: یکی شخصیت «آ.پ.» که خود نویسنده است و دیگری صدای راوی داستان به نام بلکین که روایت‌کننده ماجراها و داستان‌هایی است که از دیگران درباره شخصیت‌های اصلی داستان شنیده است. (مشاور عالی آ.گ.ن.، سرهنگ دوم ای.ل.پ.، دستیار ب.و.، دختر خانم ک.ای.ت.) می‌توان نتیجه گرفت که «صدای» بلکین صدای تمام اهالی شهر است که تصویر کلی از جهان را تشکیل می‌دهد. در متن «داستان‌های بلکین» هیچ نامی از عواطف و احساسات وجود ندارد و نویسنده تنها به بیان و توصیف آنها می‌پردازد. احساسات و عواطف مردانه بیشتر از عواطف زنانه به چشم می‌خورد. بیشترین احساسات و عواطف مردانه که در داستان به تصویر کشیده می‌شود حس خشم است و از مهم‌ترین عواطف زنانه داستان می‌توان حس ترس را نام برد. این امر برگرفته از فرهنگ جنسیتی اروپایی است.

واژگان کلیدی: احساسات و عواطف، نام، توصیف، بیان، توصیف جنسیتی.